

— **П**очему ты до сих пор не откусил мне голову? — спросил я.

— Потому что мне за это пока не заплатили, — привычно огрызнулся сэр Джуффин Халли. — Ты мало кому по карману, сэр Макс, смирись.

Но от груды самопишащих табличек он все-таки оторвался. И посмотрел на меня — не то чтобы с интересом, но с тенью надежды на возможность его возникновения.

И то хлеб. Последние несколько дней шеф Тайного Сыска занимался подготовкой каких-то очередных изменений в судебной системе. Понятия не имею, что он при этом чувствовал, но со стороны это выглядело как острый приступ черной меланхолии, отягченный изысканным маниакальным бредом, по большей части, бюрократического характера.

— Но если тебе очень надо, так и быть, — наконец сказал Джуффин. — Давай сюда свою голову, только быстро. Что ты натворил?

— Целую кучу глупостей, — похвастался я.

— Когда успел-то? — изумился шеф. — Полдень только миновал.

— Ну так я не прямо сегодня их натворил. Просто постепенно собралась неплохая коллекция.

Джуффин сразу поскучнел.

— Значит, уже неактуально, — сказал он. — Конец Мира по твоей милости не наступил, вот и ладно. Кусай свою дурацкую голову сам, не отвлекай занятого человека.

Пришлось срочно выкладывать на стол свой последний козырь.

— У меня с собой кувшин отличной камры. Насильственно изъятой из резиденции Ордена Семилистника, при почти драматических обстоятельствах.

И поставил вещественное доказательство своего преступления на стол.

— Вот с этого и надо было начинать, — одобрительно сказал шеф. — У сэра Шурфа отличный повар. Рассказывают, что при Нуфлине бедняге приходилось готовить вовсе без продуктов, наскоро превращая в условно съедобное палую листву и дорожную пыль.

— Дорожную пыль?!

— На самом деле это, конечно, просто гнусные сплетни завистников, — ухмыльнулся Джуффин, наливая камру в свою кружку. — Уверен, что повару не возбранялось использовать для кулинарных целей хорошую жирную садовую землю. Накопал с утра пару ведер, и вперед.

— Ужасы какие ты рассказываешь.

— О скверности покойного Нуфлина ходили легенды. По большей части, завиральные. Я хочу сказать, они приукрашивали действительность. Бывает, знаешь ли, такая действительность, которую невозможно очернить, как ни старайся. Впрочем, Нуфлина можно понять. Ему

надо было накопить на Харумбу*; старик не был дураком и прекрасно понимал, что за вход с него сдерут по самой высокой ставке — при такой-то репутации. Им же теперь его вечность терпеть... Но кстати, а почему тебе пришлось насильственно изымать камру у сэра Шурфа? Он что, тоже стал жадиной? То есть, звание Великого Магистра Семилистника действительно становится проклятием для всякого, кто займет это место? В жизни не верил в подобные глупости, и на тебе.

— Еще как становится, — подтвердил я. — Страшным проклятием Многоработы. Бедняга с горя сделался суеверен, как лесной колдун и обзавелся модным волшебным талисманом под названием «новый секретарь», но по-моему, стало только хуже: теперь все его свободное время, то есть, все полчаса в сутки уходят на то, чтобы ввести этого дурацкого нового секретаря в курс дела. Как по мне, лучше бы Шурф и правда прос-

* *Харумба* — город мертвых в Уандуке. Был основан несколько тысячелетий назад коренными обитателями этого материка — кейифайями. Сами кейифайи живут так долго, что считаются практически бессмертными, но их потомки от смешанных браков смертны. Именно для них была изначально создана Харумба — город, за стенами которого прошедший через специальные ритуалы мертвец может продолжать вести привычное существование. При этом его личность остается неизменной, а телесные ощущения и эмоции похожи на прижизненные. Свободный вход в Харумбу открыт только прямым потомкам хранителей Харумбы — небольшого закрытого сообщества очень старых кейифайев. У остальных людей тоже есть шанс попасть в город мертвых, но он невелик. Два основных условия — личные достоинства и огромные деньги. Высокая плата за вход справедлива: поскольку хранители Харумбы дарят своим подопечным бессмертие, но не могут предоставить им свободу передвижения, они берут на себя обязательства содержать их с максимальным комфортом в течение бесконечно долгого промежутка времени.

то стал жадиной. Это я бы легко пережил. Платил бы ему за встречи почасово, как няньке или домашнему учителю. И всем было бы хорошо. Пришел, отсчитал деньги, сидишь, наслаждаешься беседой. И самое главное, все остальные адепты Семилистника знают: Великий Магистр занят делом, пополняет Орденскую казну. И не врываются в его бедную голову с воплями: «Все пропало!» — или что там они орут с целью не дать начальству спокойно побездельничать в хорошей компании. Сегодня по их милости я так и не узнал, каким образом Умпонская любовная лирика эпохи Равайоров повлияла на возникновение нового метода ведения бухгалтерских книг в странах Сумеречного Союза. Это ранило меня в самое сердце. Пришлось отобрать у Великого Магистра камру — просто чтобы отвлечься от душевных терзаний. Ну и потом, я ее даже попробовать не успел. Брожденное чувство справедливости подсказывает, что так мучить людей нельзя. Особенно если эти люди — я.

— Нельзя, — флегматично подтвердил Джухфин. — Но, откровенно говоря, твой поступок вряд ли приведет к новой гражданской войне. Так что откусывать голову тут при всем желании не за что. Подвел ты меня.

— Ладно, — вздохнул я. — Не хочешь — не откусывай. Поди тебя заставь. Ты — начальство. И, если верить ежегодному летнему опросу читателей «Суеты Ехо», по-прежнему самый опасный человек в Соединенном Королевстве. А я как дурак болтаюсь на двадцать каком-то месте. Позорище. С другой стороны, ничего удивительного: Мантию Смерти я больше не ношу, а без нее я, в лучшем случае, умеренно эксцентричный городской хулиган.

— Ты мне скажи человеческими словами: у тебя действительно что-то стряслось? — устало спросил Джуффин. — Или просто потрепаться больше не с кем? Если второе, учти, об Умпонской любовной лирике я тебе ничего вразумительного не расскажу. Я до сегодняшнего дня вообще не знал, что они там еще и стихи пишут. В утешение могу дать почитать мои поправки к уставу Канцелярии Скорой Расправы. Захватывающее чтение! Их уже восемьдесят семь. И я, считай, только начал.

— Ого! — уважительно присвистнул я.

— Сам знаю, что «ого», — отмахнулся Джуффин. — Давай, выкладывай, что там у тебя, пока я твою камру не допил.

— У меня — я.

— Сочувствую всем сердцем, — серьезно сказал Джуффин. — Это действительно беда. Но до сих пор ты как-топравлялся.

— Вот именно что «как-то», — мрачно согласился я.

— Что ты имеешь в виду?

— Что эту штуку, — для наглядности я стукнул кулаком по груди, — можно использовать гораздо эффективней. А пока ерунда какая-то получается. Недавно двое суток кряду ходил невидимым, как дурак, потому что переборщил с заклинанием... Между прочим, зря смеешься, это оказалось довольно неудобно.

— И что, во всей столице никто не мог этому горю помочь? — ухмыльнулся Джуффин.

— Получается так. Ты был занят, леди Сотофа только смеялась: «Ой, мне бы твое горе!», а сэр Шурф не-прикрыто издевался. Дескать, всегда подозревал, что

я его вымышленный друг, а теперь получил бесспорные доказательства. Даже Абилат, которого считают самым отзывчивым знахарем за всю историю Мира, от меня отмахнулся, дескать, не о чем беспокоиться, само пройдет; впрочем, так оно и вышло. Вчера я наконец-то стал видимым и на радостях чуть не спалил свой дом. А всего-то и хотел — элегантно испепелить мусор, как это делают все вокруг, включая дошкольников. Получил костер до неба. Счастье, что дело было на крыше, а то недосчитались бы памятника архитектуры.

Джуффин демонстративно зевнул, давая понять, что масштаб описанных трагедий его совершенно не впечатлил.

— Со всеми поначалу случается. Угуландская Очевидная магия в руках могущественных новичков довольно опасная штука, я тебе это уже несколько тысяч раз говорил. Не рассчитал силы, получай катастрофу на ровном месте. Ты же знаешь, с чего началась карьера нашего сэра Мелифаро в Тайном Сыске?

— Да, — кивнул я. — Он рассказывал. Хотел откупорить бутылку, а вместо этого разнес в клочья трактир*. Родная душа.

— Ты даже не представляешь, сколько вокруг таких «родных душ». Почти все через это прошли, включая бывших Орденских послушников, хотя за ними обычно довольно строго следили. Не то чтобы это помогало: от собственной силы не убережешься. Но ничего. Пара сотен лет регулярной практики, и проблема решается сама собой. Для тех, кто каким-то чудом уцелел.

* Подробности этого дела изложены в повести «Обжора-хотун».

Я бы с удовольствием зарычал, но с Джуффином такая тактика совершенно бесполезна. Его мой гнев даже не насмешит. Поэтому я сказал:

— Ладно, пара сотен лет — ерунда, не о чем говорить, потерплю. И вы все потерпите. Возможно, даже Мир не рухнет, если очень повезет.

— Видишь, получается, даже хорошо, что я не пошел на поводу у твоих капризов и не откусил тебе голову, — заметил Джуффин. — Двести лет без нее прожить вполне можно, но качество жизни, знаешь, немного не то.

— Ну да, жрать нечем будет, — сердито ответил я. — Это моя голова делает мастерски, я бы даже сказал, вдохновенно. И в любой момент готова повторить на бис. А вот соображает она гораздо хуже, чем положено — не только Тайному сыщику, а просто здравомыслящему человеку. Так называемый сновидец, к которому я несколько дней присматривался в полной уверенности, что его пора спасать, в смысле будить — мало ли, что не мерзает, мы все знаем, что бывают исключения — оказался простым куанкурохским путешественником. И вел себя не как лунатик, а как нормальный представитель этой, с позволения сказать, уникальной культуры. Такой уж у них обычай — задумавшись, сквозь стены проходить. А потом, оказавшись в чужом доме, без тени смущения спрашивать, где тут у них выход. Я был совершенно уверен, что наяву люди так себя не ведут. И в «Энциклопедии Мира» сэра Манги о куанкурохцах ничего подобного не написано — это я уже потом, задним числом специально посмотрел.

— Тебя можно понять, — посочувствовал Джуффин. — Куанкурохцы довольно странный народ. И до нас редко добираются. Я сам за всю жизнь был лично

знаком только с одним. И еще нескольких видел издалека.

— Тем не менее, меня это не извиняет. Потому что я мог в первый же день попросить Нумминориха понюхать этого типа. Довольно нелепо сперва выяснить, что сновидения имеют запах, и у нас есть человек, способный его распознать, а потом постоянно забывать применить этот метод на практике. Хотя, казалось бы, что может быть проще? Экономит время и силы, причем не только мне...

— Да, твое поведение довольно сложно назвать разумным, — кротко согласился шеф. — Но, как я понимаю, все в итоге закончилось хорошо?

— Даже почти без скандала. Но боюсь, только потому, что куанкурохцы считают угуландцев крайне эксцентричными людьми. То есть, если называть вещи своими именами, невменяемыми придурками. И заранее готовы прощать нам любые нелепые выходки. А кто не готов, просто не приезжает в Ехо. Когда немалую часть жизни неизбежно посвящаешь войне с безумными ветрами, бытовые конфликты с чужестранцами вряд ли кажутся таким уж соблазнительным развлечением.

— Это, кстати, объясняет, почему они так редко у нас появляются, — оживился Джуффин. — Даже торговые связи почти не поддерживают, с кем угодно, только не с нами. А я-то все удивлялся, что им тут не так.

— Может, теперь наконец поедут, — предположил я. — Я объяснил этому прекрасному человеку, что самый невменяемый придурок в столице Соединенного Королевства — я сам, а с остальными иметь дело гораздо проще и приятней. Он обрадовался и сказал, что тогда

вполне можно жить. В общем, с ним все более-менее в порядке. А вот ослепительный белый свет...

— Что за ослепительный свет? — нахмурился шеф. — Кто из вас начал светиться, ты или этот приезжий?

— Светиться никто не начал. Это уже совсем другая история. В которой по ряду причин мог разобраться только я, но дырку в небе над задницей, которая заменяет мне голову, не разобрался. Вернее, отчасти разобрался, но слишком поздно.

— Объясни.

— Несколько дней назад в столице объявился сновидец... вернее, человек, которого я принял за сновидца. Успел побуянить в нескольких трактирах, даже пытался вламываться в частные дома. Причем выбирал помещения, где установили эти новомодные светильники, каких...

— Звезда Марьеза? — подсказал Джуффин.

— О. Точно. Звезда. Кстати, а что такое «Марьеза»?

— Не «что», а «кто». Магистр Марьез Шудалина, один из друзей и помощников Короля Мёнина. Он эти светильники изобрел. При Мёнине звезды Марьеза вошли в моду, потом, как это обычно бывает, понемногу их нее вышли, при первых Гуригах о них опять вспомнили, но при Гуриге Малыше все дружно помешались на грибах*, и звезды Марьеза окончательно убрали с глаз долой, в самые дальние кладовые. А в Эпоху Ко-

* Имеются в виду светильники, представляющие собой прозрачные сосуды, в которые помещают особенные светящиеся грибы. Эти грибы начинают светиться, когда их что-то раздражает, так что выключатель приводит в движение специальные щеточки, которые осторожно, но назойливо щекочут шляпки грибов. Те немедленно реагируют — светятся.

декса они были не просто непопулярны, а строго запрещены, все-таки тридцать третья ступень Черной магии. Поэтому ты их не застал. На самом деле, я рад, что звезды Марьеза понемногу возвращаются в обиход, белый свет мне, пожалуй, нравится больше, чем голубой от газовых фонарей. Не говоря уже об оранжевом свете грибов. На улице еще вполне ничего смотрится, а в помещении — тихий ужас.

— Да, — вежливо согласился я, втайне всегда симпатизировавший сердитым грибным светильникам. — Так вот, сновидец, о котором я говорю, бросался на звезды Марьеза. Брыпался в помещения, где они установлены, расталкивал публику, ломился к светильнику, замирал перед ним и стоял столбом, что с ним ни делай. Рассказывают, бормотал что-то непонятное; подозреваю, молился. А какое-то время спустя разворачивался и уходил. Некоторые свидетели утверждают, что рыдая, другие говорят, он просто был зол. Мне об этом бедняге, к сожалению, далеко не сразу рассказали, потом я долго и довольно бесполково его искал, но если бы я быстро сообразил, что происходит, возможно, смог бы ему помочь...

— Что ты должен был сообразить?

— В том мире, где я, условно говоря, родился и вырос, по крайней мере, до сих пор помню, что это было именно так, есть довольно много разнообразных гипотез посмертного бытия. В некоторых версиях рассказывается об ослепительном белом свете, соединение с которым чрезвычайно желательно для умершего. Потому что этот свет — то ли сам бог, то ли кратчайший путь к нему. В общем, теософ из меня никудышный. Но все-таки информация у меня была. А значит, я мог бы...

— Погоди, — остановил меня Джуффин. — Ты считаешь, что к нам уже не только сновидцы наведываются, но и покойники? По-моему, это как-то чересчур. Что им тут делать? У нас совершенно точно не загробное царство. Верь мне. Я проверял.

— Серьезно, что ли, проверял? — изумился я.

— Ну а как еще? Когда на нас толпами посыпались сновидцы из разных миров, мне поначалу было не до шуток. Тут поневоле задумаешься, не стоит ли за этим весельем кардинальное изменение свойств материи, а значит и самой природы нашего бытия. Такие вещи о себе лучше знать, даже если они угрожают душевному равновесию. Особенно если угрожают! Собственно, согласно контракту с покойным Королем, который с тех пор никто не переписывал, это обязательная часть моей работы: вносить ясность в подобные вопросы. Поэтому сперва мне пришлось изобрести способы проверки, а потом осуществить ее с привлечением лучших экспертов разных эпох. Некоторые, конечно, подняли меня на смех, но свое дело сделали, спасибо им. Я теперь сплю спокойно. Вот уже больше года, как очень спокойно сплю. Ни хрена наша материя не изменилась. Не в ней дело, просто приоткрылись некоторые границы, которые прежде были закрыты и в большинстве случаев не позволяли постороннему вниманию проникать в нашу реальность. Открытие этих границ, как по мне, только на пользу. Хотя бы потому, что работает в обе стороны.

— Ты хочешь сказать?..

— Именно. Нам, причем не лично нам с тобой, а множеству людей теперь тоже стало гораздо легче путешествовать между мирами в сновидениях. А некото-